

{ Биографии,
автобиографии,
мемуары }

Йенс Андерсен

Астрид Линдгрен

Этот день и есть жизнь

Колibri

МОСКВА

УДК 929 Линдгрен
ББК 83.3(4Шве)-8
А65

Jens Andersen
DENNE DAG, ET LIV:
En Astrid Lindgren-biografi
Copyright © Jens Andersen & Gyldendal, Copenhagen 2014
All rights reserved
Published by agreement with Gyldendal Group Agency

Перевод с датского ГАЯНЭ ОРЛОВОЙ

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-10938-4

© Г. К. Орлова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство КоЛибри®

Содержание

Предисловие	9
Письма поклонников	11
А-ля гарсон	23
Таинство размножения	60
Аллея Надежды	92
Ваши дети — не дети вам	131
Матери всех стран, соединяйтесь!	174
Революция в детской	214
Птицы скорби и певчие птицы	257
Поэзия белых ночей	301
Битва за фантазию	348
Я танцевала в своем одиночестве	391
Астрид Линдгрэн: избранное	444
Библиография	448
Алфавитный указатель имен	457

В чем смысла нет, я знаю. Копить деньги, вещи, дела, жить знаменитостью, красоваться на страницах журналов про знаменитостей, так бояться одиночества и тишины, что ни разу не найти времени в тишине и покое подумать: что делать мне с моим коротким земным веком?

Астрид Линдгрен. 1983

Предисловие

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ БИОГРАФИЮ, нужны двое: тот, кто пишет, и тот, о ком пишут. Однако зачастую к этому процессу невольно оказываются причастны и другие люди, и они тоже влияют на результат. Среди них и создатели уже написанных книг и статей, к которым прибегают авторы последующих сочинений. В списке источников в конце моей работы упомянуты все книги, статьи, журналы и сайты о жизни и творчестве Астрид Линдгрэн, перед авторами которых я в долгу. Там же приведен алфавитный указатель имен и список работ Астрид Линдгрэн.

Я безмерно благодарен всем, кто помог мне получить доступ к другим источникам. Прежде всего, шведскому биографу Астрид Линдгрэн Лене Тёрнквист, которая неустанно помогала мне советами и указаниями и научила меня, датчанина, ориентироваться в архиве Астрид Линдгрэн в Национальной библиотеке в Стокгольме, в 2005 году включенном в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Хочу также сказать спасибо стенографу Риксдага (шведского парламента) Бритт Альмстрём, которая помогла мне расшифровать некоторые стенографические записи Астрид Линдгрэн из этого архива. Также спасибо Анне Эклунд-Йонсон из Регионального архива Вадстена, научному сотруднику Королевской библиотеки Копенгагена Бруно Свиннборгу и главному редактору редакции детской и юношеской литературы датского издательства «Гюльдендаль» Элин Альгрэн-Петерсен.

В работе над биографией ты зависишь от других людей, от их дружелюбия, щедрости и желания помочь, поделиться своим особым знанием, предоставить в твоё распоряжение свои специфические умения. Я благодарен Тому Альсингу, Барбру и Бертилю Альвтеген, Урбану Андерсону, Малин Биллинг, Дэвиду Бюгге, Хелен Даль, Гэлли Энг, Белинде Эриксен, Йенсу Фельке, Якобу Форшелю, Лене Фрис-Гедин, Еве Глиstrup, Клаусу Готтфредсену, Стефану Хильдингу, Йесперу Хёгенхавену, Аннели Карлсон, Черстин Квинт, Йеппе Лаунбьергу, Катрине Лиллеэр, Аннике Линдгрэн, Йорну Лунду, Карлу-Улофу Ньюману, Нильсу Ньюману, Иде Бальслев-Олесен, Юхану Пальмбергу, Свену Райнеру Йохансену, Гунвору Рунстрёму, Нинг де Конинг-Смит, Ане Мейер Сандрейд, Лисбет Стевенс Сендеровиц, Маргарете Стрёмстедт, Торбену Вайнрайху, Хелле Вогт и Эльсе Тролле Эннерфорс.

Особая благодарность семейному предприятию *Saltkråkan AB* за техническую поддержку и практическую помощь, в частности, с многочисленными иллюстрациями, а также Къелю-Оке Хансону, сотрудникам Культурного центра Астрид Линдгрэн в Виммербю и Якобу Ньюлину Нильсону из библиотеки Виммербю. Спасибо датскому переводчику Астрид Линдгрэн Кине Боденхоф, Енню Тор из «Гюльдендаль Груп Эйдженси» и моим редакторам Вибекке Майнлунд и Йоханнесу Рису.

И наконец, спасибо Государственному совету Дании по искусству, фонду «Гангстед» и Датско-шведскому культурному фонду за экономическую поддержку, а также моему верному первому читателю Етте Гларгор. И конечно же, Карин Ньюман, дочери Астрид Линдгрэн, которая одобрила идею написания этой биографии. Без ее интереса, знаний и активного содействия, без наших долгих бесед и переписки в течение последних полутора лет эта книга не могла быть написана.

Йенс Андерсен
Копенгаген, август 2014

Письма поклонников

ВСЕ 1970-е годы в ОТДЕЛЕНИИ ПОЧТЫ НА УГЛУ Далагатан и Оденгатан работы только прибывало. Виной тому была пожилая дама, ничем, казалось бы, не отличавшаяся от прочих пожилых дам, каких встречаешь на улице, в парке, в бакалейной лавке или кафетерии стокгольмского района Васастан. Многие годы в отверстие для почты в двери этой пожилой дамы ежедневно падала пачка писем. А в юбилейные годы — 1977, 1987 и 1997-й — почтальонам приходилось звонить в дверь дома на Далагатан, 46, чтобы вручить адресату мешки с посылками и письмами, на которых красовались марки всех стран мира. После того как на письма отвечали, они попадали в коробки и на чердак, где хранились не одни лишь поздравления и яркие детские рисунки, но и окаймленные золотой рамкой послания от государственных мужей и королевских особ, и обычные письма от обычных людей, просивших автограф, денег или моральной поддержки в том или ином политическом деле.

Большинство просто выражали свой восторг и восхищение и часто, пользуясь случаем, задавали Астрид Линдгрэн пару вопросов. Вопросы могли быть невинными — например, детишки из нулевого класса интересовались, действительно ли лошади едят мороженое, а девятилетняя Кристина

из Ярфаллы просила объяснить, как отец Пеппи из телесериала может отправлять почту в бутылках, если сидит в тюрьме. Однако в этих кипах корреспонденции попадалось немало совсем не детских вопросов: некий Карлсон, слесарь из Кальмара, просил разрешения назвать свою фирму «Карлсон на крыше», лесовладелец из Ямтланда желал узнать, не заинтересует ли писательницу, известную своей любовью к природе, пара гектаров хвойного леса, а какой-то мужчина, отбывавший срок за убийство жены, спрашивал, не захочет ли Астрид Линдгрэн стать его биографом.

75 тысяч писем — известная писательница получала их до самой смерти в январе 2002 года, а теперь они хранятся в архиве Астрид Линдгрэн в Национальной библиотеке Швеции в Стокгольме. Многие послания были личными. Когда речь шла о матери Пеппи Длинныйчулок и Эмиля из Лённеберги, граница между частным и общим как-то стиралась. Пожилую Астрид Линдгрэн считали «клока гумма» — мудрой старницей — и духовной наставницей всей Скандинавии, ей можно было открыть сердце, у нее можно было спросить совета в трудный час. Среди корреспондентов, например, была одна женщина, просившая «Астрид» выступить посредником в разрешении щекотливого спора с соседями; другая спрашивала, как ей поступать со своей надоедливой старой матерью. Третья четырнадцать лет осаждала обеспеченную детскую писательницу своими жалобами — семьдесят два письма, и в каждом детальная просьба о денежной помощи: на покупку очков, ремонт автомобиля, оплату работы слесаря, погашение игровых долгов и так далее. Некий зарубежный корреспондент, австриец, давно мечтавший о новом доме, спрашивал, не подарит ли ему «мама Пеппи» внушительную сумму денег в долларах для покупки «виллы „Курица“» его мечты. Отец семейства из Дании сорок лет писал Линдгрэн на Рождество подробные отчеты о своей семейной жизни и присылал детское печиво. А немолодой и влюбленный житель сток-

гольмского предместья Хессельбю вел настоящую почтовую осаду. Претендент на руку и сердце вдовы Линдгрэн отказался от своих намерений, лишь когда в дело вмешалось ее издательство, пригрозив настойчивому ухажеру полицией.

Письма поклонников составляют большую часть архива Линдгрэн. Они свидетельствуют об огромном и непреходящем значении ее творчества — и книг, и фильмов, и телесериалов. С выхода в 1940-х эпохальных книг о Пеппи поток писем лишь увеличивался, а после 1960 года стал даже несколько тяготить прилежного писателя и трудолюбивого редактора: свои книги Линдгрэн писала по утрам и в отпуске, после обеда всегда находилась в издательстве, вечерами вычитывала работы других авторов. Однако в 1970-е, после ее выхода на пенсию, почтовая река на Далагатан, 46, превратилась в лавину, и в начале 1980-х, чтобы упорядочить обширную переписку с почитателями, Линдгрэн пришлось нанять секретаря. Причиной тому послужили три события: выход книги «Братья Львиное Сердце» (1973), так называемое «дело Помперипоссы» (1976), когда Астрид Линдгрэн восстала против шведской налоговой политики, и вручение Премии мира немецких книготорговцев (1978), где, выступая с благодарственной речью, в самый разгар эпохи разоружения пацифистка Линдгрэн заявила, что борьба за мир во всем мире начинается в детской комнате. С воспитания будущих поколений.

Карин Нюман, дочь Астрид и Стуре Линдгрэн, родившаяся в Стокгольме в мае 1934 года, полвека наблюдала, как растет культ личности и творчества ее матери. Нюман рассказывает, что мужчины и женщины всех возрастов не только писали, но и звонили Астрид Линдгрэн и стучались в ее дверь на Далагатан. Часто просто ради того, чтобы пожать руку любимому писателю, поблагодарить за радость и утешение, обретенные в мире ее фантазии. Карин Нюман рассказывает, что среди обращавшихся к Астрид было много зарубежной молодежи, ребята писали ей и просили о помощи:

Когда в середине 1980-х Астрид Линдгрен стала слепнуть и для чтения колоссального количества ежедневной корреспонденции ей понадобилась помощь, к ее услугам оказалась не только личный секретарь Черстин Квинт, но и дочь Карин Нюман (слева). (Фотография: Эрвин Нью / Saltkråkan AB)

«Ей писали несчастные немецкие дети и подростки, мечтавшие переехать в ту Швецию, о которой прочитали в ее книгах о Бюллербю или острове Сальткрока. Астрид это было тяжело, она стремилась заботиться о нуждающихся, а тут толком ничего не могла поделать».

Как часто бывает, за этими отчаянными письмами скрывался распад семьи, отсутствие заботы, слишком большая эмоциональная дистанция между родителями и детьми. Например, одна немецкая девушка-подросток в 1974 году написала Астрид письмо с просьбой о помощи. Вдохновленная книга-

ми Линдгрэн, она выучила шведский и рассказала о своем отце, тиранившем семью и даже поселившем дома любовницу.

Астрид не смогла это забыть, даже помянула в письме другому подростку, шведскому, полагая, что тому полезно будет услышать о проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются его ровесники в другой стране. Шестидесятишестилетняя Астрид Линдгрэн писала:

«...похоже, во всем немецком государстве ей не к кому обратиться. Ей не хочется жить, она не знает, чего хочет, она хватается то за одно, то за другое и очень быстро от всего устает (...) У девочки явные психические проблемы, но я не в состоянии как следует в них разобраться и в любом случае не могу ей помочь. (...) Господи, как же много в мире горя».

Всего в архиве хранится от 30 до 35 тысяч писем от детей и подростков из пятидесяти стран. В одних Астрид спрашивают, будет ли у той или иной ее книги продолжение, в других интересуются, как создавалась какая-нибудь книга, просят «тетю Астрид» помочь продвинуться в очереди на прослушивание в театре или кастинг в кино. Мечта сняться в новой экранизации книги Астрид Линдгрэн стала темой одного необычного письма, упавшего в почтовую щель в двери дома на Далагатан весной 1971 года. Автор письма — двенадцатилетняя Сара Юнгкранц из городка в провинции Смоланд. Экспрессивное послание, написанное разными почерками и усеянное восклицательными знаками, начиналось со слов: «Хочешь сделать меня СЧАСТЛИВОЙ?»

С этого вопроса началась долгая переписка между пожилой знаменитой писательницей, вступающей в осень своей карьеры, и неприкаянной, вдумчивой шведской девочкой-подростком, не понимающей, как ей жить, и во многих отношениях чувствующей себя лишней. В начале переписки, опубликованной в книге «Я храню твои письма под матрасом», Астрид

Два подростка с разницей в пятьдесят лет. В Саре Юнгкранц Астрид Линдгрэн видит что-то от себя в юности — неловкой девочки из Виммербю начала 1920-х. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

Линдгрэн явно хочет помочь двенадцатилетней Саре Юнгкранц, но прежде шестидесятитрехлетней писательнице надо познакомиться с темпераментной девочкой поближе. А первое ее письмо не понравилось Астрид. В нем была отнюдь не смиренная просьба провести Сару на кастинг, грубая критика детей-актеров, игравших в последнем фильме о Пеппи, и резкое осуждение иллюстраций Бьёрна Берга к новой книге про Эмиля из Лённеберги. Заниженной самооценкой девочка, кажется, не страдала, хотя именно о ней в глубине души и хотела рассказать.

А потому ответное письмо Астрид Линдгрэн было коротким и прохладным. В каком-то смысле даже назидательным. От него у девочки так горели уши, что она спустила письмо в туалет. Автор ее любимых книг напомнила ей, сколь опасна зависть, а затем спросила, догадывается ли Сара, почему у нее так мало друзей, почему она так часто остается одна, почему ей одиноко?

Именно тема «одиночества» — понятия в скандинавской культуре настолько табуированного и негативно окрашенного, что его даже трудно называть, хотя всем нам знакомо это чувство, все мы оставались одни, хотя и по-разному, — красной нитью проходила через переписку одинокого подростка и одинокой писательницы. В 1970-е Астрид Линдгрэн могла оглянуться на свою жизнь, в которой она — ребенок, девушка, мать-одиночка, жена, вдова и художник — много думала о том, каково человеку, когда он предоставлен себе, оставлен в обществе себя самого. Временами она боялась одиночества, иногда несказанно по нему тосковала. И часто открыто отвечала на вопросы об одиночестве в частной жизни, что удивительно для человека, который, следуя девизу своего смоландского рода «Мы не выносим сор из избы», тщательно оберегал личные границы. Пример тому — ее интервью 1950-х шведской газете. На вопрос о том, как Астрид Линдгрэн справляется с внезапной потерей мужа в 1952-м, она ответила:

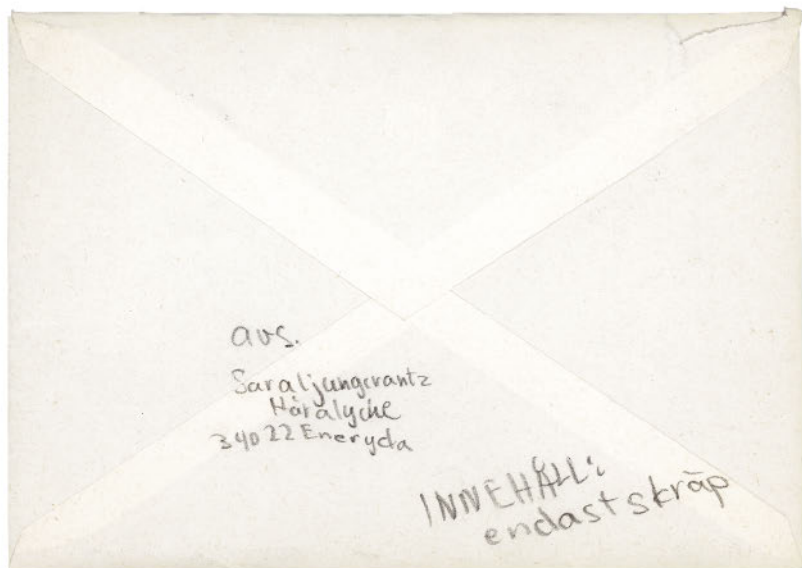
«Прежде всего я хочу быть с моими детьми. Затем — с моими друзьями. А еще я хочу быть с собой. Целиком и полностью. Человек мало и ненадежно защищен от ударов судьбы, если не научился оставаться один. Это едва ли не самое главное в жизни».

Убежденность Астрид Линдгрэн в том, что человек в любом возрасте должен уметь оставаться один, стала лейтмотивом ее писем Саре, ее осторожных советов — посланий девочке, которой так трудно было общаться с родственниками, товарищами, учителями и психологами, но которую не устраивало и собственное общество. Прочитав первые четыре-пять Сариных писем, стареющая писательница распознала в этом подростковом восприятии себя как «одинокой, забытой и всем на тебя насрать» что-то свойственное ей самой и приподняла завесу над историей своей непростой юности:

«О, как бы я хотела, чтобы ты стала счастливой, чтобы тебе не приходилось проливать столько слез. Но хорошо, что ты можешь чувствовать, и беспокоиться о других, и предаваться грустным размышлениям, потому я и считаю тебя родственной душой. Самое, думаю, трудное время в жизни человека — это ранняя юность и старость. Я помню, что моя юность была безумно меланхолична и трудна».

Сара хранила все письма Астрид под матрасом. Длинные письма, в которых писательница никогда не говорила с девочкой свысока, всегда с сочувствием относилась к проблемам и конфликтам, омрачавшим Сарину жизнь, и одновременно описывала неловкого подростка, каким была сама, когда ее еще звали Астрид Эриксон. Умного, глубоко меланхоличного, бунтующего, томящегося, переживающего кризис идентичности подростка из провинциального городка 1920-х. Она как бы заново и постепенно проживала собственную юность. Воспоминания с силой нахлынули весной 1972 года, когда Сара в чрезвычайно драматичном письме рассказала о своем коротком пребывании в детской психиатрической лечебнице, куда ее поместили из-за панических приступов и неоднократных стычек с семьей. Никогда еще Сара не чувствовала себя такой «страшной, глупой, придурковатой и ленивой». Астрид Линдгрэн ответила сразу же. И начала свое сочувственное письмо с нежных слов: «Сара, моя Сара», которые, как название романа «Мио, мой Мио!», можно адресовать каждому человеческому детенышу, который в буквальном и переносном смысле одиноко сидит в пустом парке на лавочке:

«„Страшная, глупая, придурковатая, ленивая“, — пишешь ты о себе. О том, что ты не глупая и не придурковатая, я точно знаю из твоих писем, а насчет остального сказать ничего не могу. Но когда тебе тринадцать, ты всегда кажешься себе некрасивым, — я в твоём возрасте была уверена, что страшнее меня на свете нет и никто никогда в меня не влюбится. Однако со временем оказалось, что все не так плохо».

Письма Сары и конверты с надписями вроде «Содержание: одни помои» отражали низкую самооценку девочки. Астрид Линдгрэн это инстинктивно понимала, и 12 июня 1975 г. написала своей юной подруге: «Все мы хотим любви, это верно, и, думаю, большинство девочек ужасно сомневаются, что могут быть любимыми». (Фотография: Национальная библиотека / Saltkråkan)

Переписка достигла кульминации с выходом в 1973–1974 годах «Братьев Львиное Сердце». Астрид была ужасно занята. Не только в связи с интервью и чтениями в Швеции и за рубежом, но и потому, что потеряла нескольких близких. Прежде всего — старшего брата, почти ровесника, Гуннара. В юности он был ее ближайшим доверенным другом-мужчиной; ему в письмах, зачастую полных черного юмора, она могла поверить тайны неукротимого девичьего сердца.

И именно в 1974 году, когда она скорбела по безвременно ушедшему Гуннару, все на свете, казалось, решили обсуждать с писательницей ее книгу «Братья Львиное Сердце».

И Сара. Ей был выслан экземпляр с посвящением, она накинулась на книгу, а затем прочитала «глупую», как она

в утешение написала Астрид, рецензию в газете «Дагенс нюхетер». Как может кому-то не нравиться такая безумно интересная и одновременно теплая, утешительная книга? На это у Астрид Линдгрэн ответа не было. Зато ей было что сказать о другом — о том, что зимой 1973/74 года теперь уже пятнадцатилетняя девочка влюбилась в своего учителя. Жизнь и любовь постепенно так перепутались в сознании Сары, что в декабре 1973 года она вложила в письмо Астрид листок бумаги, на котором попыталась себя проанализировать:

«Я долго думала, в чем причина того, что я не жила по-настоящему. В своих размышлениях я дошла до того, что в этом виноваты фальшь и утрата собственного „я“. А я ведь так хотела быть собой. Но кем я была? К тому же я, по-моему, не знаю никого, кто был бы самим собой».

Астрид Линдгрэн так очаровало письмо Сары, что в новогодний вечер — время, когда она обычно избегала всякого общества и наслаждалась одиночеством, делая ежегодные записи об ушедшем годе, под музыку Бетховена и Моцарта, с хорошей книгой в руках, — писательница села отвечать. За пишущей машинкой в последние часы уходящего года она предавалась размышлениям, которые завели ее в прошлое, в юные годы в городке Виммербю: «Вот ты пишешь о себе, а я, кажется, узнаю в этом многое из того, что занимало меня в твои годы». И отдельно Астрид Линдгрэн комментирует философское начало анализа Сары, где девочка пишет о желании человека проявить свое истинное «я»:

«Нет, как же ты все-таки права! Целиком и полностью никто не открывается, хотя бы изо всех сил и хотел это сделать. Но все мы заперты в своем одиночестве. Все люди одиноки, хотя многих окружают столь многие, что своего одиночества они не понимают или не замечают. До одного прекрасного дня... Но ты влюблена, и это чудесное состояние».

Описание влюбленности в учителя в саморазоблачающем рождественском послании Сары тронуло Астрид Линдгрэн.

Двадцатилетняя Кати — главная героиня и рассказчик в трех книгах Астрид Линдгрэн: «Кати в Америке», «Кати в Италии» и «Кати в Париже», которые в 1950–1953 гг. вышли в Швеции, а несколькими годами спустя и в Дании. (Фотография: Йенс Андерсен)

Линдгрэн тщательно избегала нравоучений и предостережений. Вместо этого она написала (и повторила в нескольких последующих письмах), что любовь — лучшее лекарство от страха и неуверенности: «Влюбленность, хотя бы и „несчастливая“, обостряет вкус к жизни, тут и сомнений быть не может».

Сара Юнгкранц и Астрид Линдгрэн никогда не встречались и ближе друг к другу, чем в письмах 1972–1974 годов, они не стали. Исключение — письмо, написанное в 1976 году. В нем теперь уже семнадцатилетняя Сара рассказывала о том, что нашла для себя, перечитывая трилогию Астрид 1950–1953 годов о юной Кати с улицы Каптенсгатан. Книги о девушке, побывавшей в США, Италии и Париже, вызвали в Саре «охоту к перемене мест» и вкус к жизни, но еще ей

хотелось знать, не послужила ли сама восемнадцати-девятнадцатилетняя писательница прообразом главной героини: «Неужели в юности Вы чувствовали себя как Кати?»

Любопытный вопрос заставил шестидесятивосьмилетнюю Астрид Линдгрэн вспомнить о том, что, разбирая бумаги, она нашла среди пожелтевших листов и писем непростого 1926 года — года, когда ей пришлось покинуть отчий дом:

«Я нашла клочок бумаги, вложенный в письмо... мне было примерно столько же лет, сколько тебе, когда я это написала: *Life is not so rotten as it seems*¹. Но, как и ты, я думала, что жизнь паршива. Так что, может, книги о Кати немного „вральные“ (как говорила Сара. — *Ред.*), если относиться к ним как к рассказу о том, что значит быть по-настоящему молодой. Но Кати же успела немного созреть, она не настолько юна. В свои 19–20 лет я постоянно хотела расстаться с жизнью и жила с одной девушкой, которая хотела этого еще больше. (...) Но позже мало-помалу начала приспособливаться, и жизнь стала довольно приятной. А теперь, в моем нынешнем преклонном возрасте, я считаю, что радоваться довольно трудно, учитывая, что мир таков, каков он есть, и то, что я более не молода, служит мне утешением. Боже, как это бодрит. Внезапно обнаружила я. Прости! (...) Пока, Сара. *Life is not so rotten as it seems*».

¹ Жизнь не так паршива, как кажется (*англ.*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

А-ля гарсон

«**О**Т ПЯТНАДЦАТИ ДО ДВАДЦАТИ ПЯТИ УСПЕВАЕШЬ прожить примерно четыре разные жизни», — заметила Астрид Линдгрэн в немецкой телепрограмме 1960-х об этапах жизни женщины. Излучая естественное обаяние, благодаря которому в конце 1940-х превратилась в звезду шведского радио, она рассказала о том, как это захватывающе — всего за десять лет побывать четырьмя разными женщинами:

«Давайте начнем с первой: какой я была в пятнадцать лет? Я прекрасно понимала, что взрослая, и мне это не нравилось».

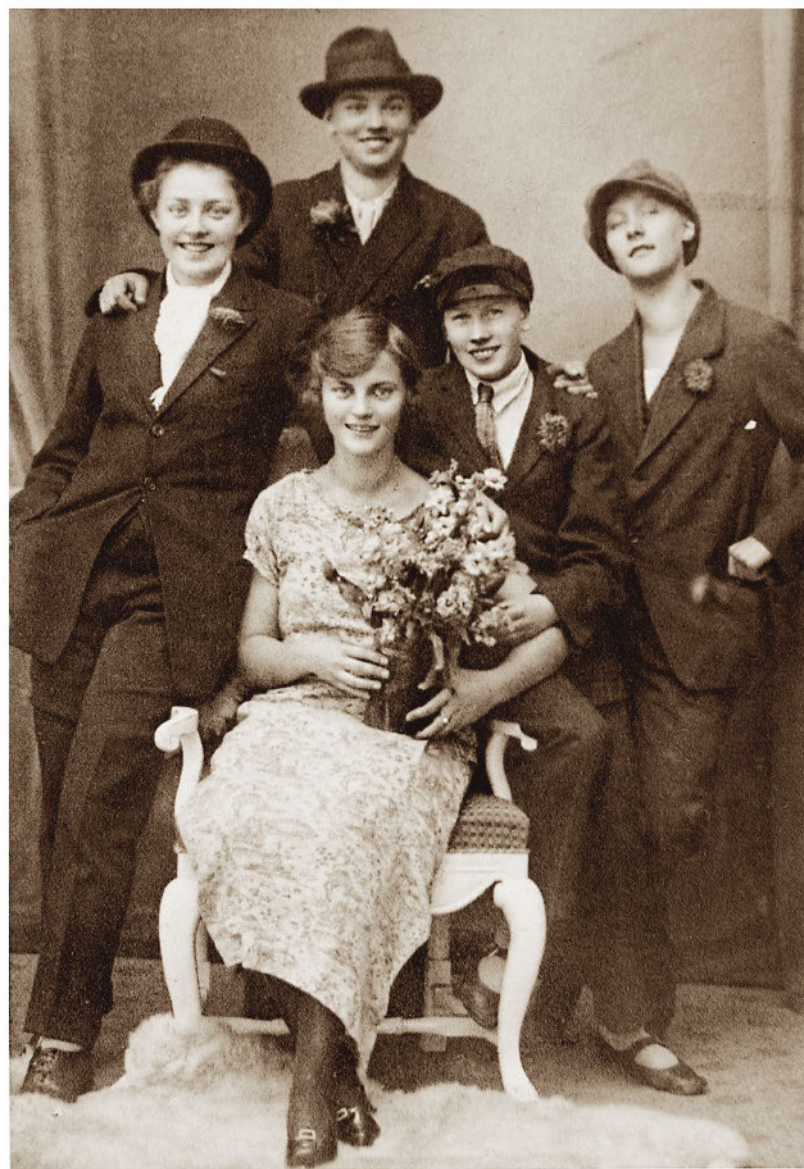
И вот неуверенная, временами несчастная, одинокая пятнадцатилетняя девочка, которая находила утешение и смысл в мире книг, в шестнадцать-семнадцать лет превратилась в прогрессивную, современную девушку-экстраверта:

«За очень короткое время я изменилась до неузнаваемости, в один день превратившись в настоящую „jazz girl“: мое превращение совпало с джазовым прорывом золотых двадцатых. Я коротко постриглась — к ужасу моих родителей-крестьян, державшихся общепринятого».

В 1924 году Астрид Линдгрэн (урожденную Эриксон), которой еще не было семнадцати, захватил молодежный бунт, добравшийся до Виммербю. В городке имелись кинотеатр, театр, миссионерский книжный магазин и коллектив народного танца «Смоланнингарне», но юной любительнице танцев хотелось двигаться под современную музыку. Летом танцевали на уличных танцплощадках, зимой — в гостинице «Стадсхотеллет»: по субботам там проходило «суаре с танцами». Как правило, в начале вечера давали небольшой концерт, где юноши и девушки чинно и благородно сидели на разных рядах, а с девяти вечера до часу ночи были танцы под новейшие шлягеры «в суперкрасочном окружении при магическом освещении», как рекламировали, заманивая посетителей, «Стадсхотеллет» на первой полосе газеты «Виммербю тиднинг» в 1924–1925 годах.

В то время лучшая подруга Астрид Анне-Марие Ингстрём, по прозвищу Мадикен (в замужестве Фрис), еще ходила в длинных женственных платьях, которые одновременно скрывали и подчеркивали начавшие округляться формы. У красавицы, выросшей на белой вилле директора банка Фриса в буржуазном квартале Прэстгордсалле, были длинные темные волосы, которые она с удовольствием демонстрировала на фотографиях, запечатлевших пышный расцвет традиционной чувственной женственности. Астрид же, напротив, начала носить «мужскую» одежду. В ее гардероб прокрались длинные брюки, пиджак и галстук; шляпа или кепка нахлобучивались на коротко стриженную голову, в которой, как позже в одном интервью призналась Астрид, ощущалась нехватка приземленных, здравых мыслей, царила неразбериха, а разрозненные цитаты из Ницше, Диккенса, Шопенгауэра, Достоевского и Эдит Сёдергран уживались с кинематографическим образом Греты Гарбо и современных *femme fatale*:

«В Виммербю было около трех с половиной тысяч жителей, я первая в городе коротко постриглась. Бывало, люди на

28 августа 1924 г. Анне-Марие исполняется 17 лет, и ее лучшие подруги Соня, Мэрта, Грета и Астрид (справа), нарядившись молодыми людьми, окружают прелестную Мадикен. (Фотография: Частный архив / Saltkråkan)

улице подходили, просили меня снять шляпу, показать стриженую голову. Примерно в то же время французский писатель Виктор Маргерит издал свою „La Garçonne“ („Холостячку“), скандальный роман, получивший мировую известность. Думаю, девушки всего мира пытались походить на Ля Гарсон — я, по крайней мере, пыталась».

Роман Виктора Маргерита стал культовым для многих юных женщин, мечтавших о восстании против устаревшего гендерного стереотипа и викторианской благопристойности. В 1920-е в мире было продано более миллиона экземпляров «Холостячки». Моника Лербье, главная героиня романа, — бельмо в глазу буржуазии. Она коротко, под мальчика, остригла длинные волосы, надела пиджак и галстук, курит и пьет на людях (что позволено лишь мужчинам), самозабвенно танцует и рожает ребенка вне брака. Эта самоуверенная женщина, добившаяся всего самостоятельно, семье предпочитает свободу и хочет быть полноправной хозяйкой своей жизни.

Образ «холостячки» мгновенно стал глобальным феноменом моды, шокируя мужчин своей андрогинностью. Внезапно крупные города всего мира наводнили коротко стриженные женщины, одетые в мужской костюм или бесформенное платье и шляпу-колокол. Этот двуполоый гардероб посылал недвусмысленный сигнал окружающим. Современная молодая женщина не желала походить на своих мать и бабушку. Она отказывалась от корсета и длинных тяжелых платьев в пользу более функциональной одежды, не стесняющей свободу движения. В сочетании с прической а-ля гарсон эта одежда приближала женщин к представителям противоположного пола, с которыми они, как никогда раньше, пытались соревноваться.

Любопытная, начитанная, культурная молодая женщина, Астрид Эриксон смотрела на большой мир через призму газет, журналов, книг, кино и музыки и знала о суматохе, поднявшейся вокруг новой женской моды за пределами Смоланда.

Андерсен Й.

А65 Астрид Линдгрэн. Этот день и есть жизнь / Йенс Андерсен ; пер. с дат. Г. Орловой. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. — 464 с. : ил.

ISBN 978-5-389-10938-4

«Астрид Линдгрэн. Этот день и есть жизнь» — первая за 40 лет биография великой сказочницы, книги которой многие десятилетия помогают детям во всем мире справляться с нелегким делом взросления.

Эта книга о ней самой — бунтарке в брюках и мужском пиджаке, первой в родном городке остригшей длинные волосы, матери-одиночке в пуританской Швеции, жене человека, фамилию которого она прославила на весь мир... Вдове, художнике, благотворительнице, «мудрой старице» — духовной наставнице всей Скандинавии, человеку, в совершенстве владевшем искусством понимать. Той самой женщине, чью независимость и жизнелюбие унаследовала знаменитая Пеппи Длинныйчулок.

В ее письмах, дневниках, фотографиях, воспоминаниях близких оживают ее сражения, поражения и победы, моменты вдохновения и минуты отчаяния.

УДК 929 Линдгрэн
ББК 83.3(4Шве)-8

Литературно-художественное издание

ЙЕНС АНДЕРСЕН
АСТРИД ЛИНДГРЕН
ЭТОТ ДЕНЬ И ЕСТЬ ЖИЗНЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Анастасия Грызунова

Художественный редактор Валерий Гореликов

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Анны Скурихиной

Корректоры Наталья Хуторная, Наталья Бобкова

Подписано в печать 06.09.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 29. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-APR-18969-03-R